

Сергей Шишков

Юность: удалить

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Шишков
Юность: удалить

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Шишков С. О.

Юность: удалить / С. О. Шишков — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-97358-9

Как далеко мы можем зайти в поисках "настоящих" нас? Молодые герои книги, истории которых по воле случая оказались взаимно переплетены, находятся в бесконечной рефлексивной борьбе с самими собой. Дебютный реалистический и экзистенциальный роман воронежского писателя Сергея Шикова. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-97358-9

© Шишков С. О., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Авторская ремарка	5
Пролог	8
Глава 1	10
1	10
2	13
3	18
4	24
Глава 2	28
1	28
2	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Шишков

Юность: удалить

Авторская ремарка

Привет, уважаемый читатель. Позволю себе немного рассказать о весьма длинном пути создания моего первого романа, экземпляр которого ты держишь сейчас в руках.

Первые идеи книги и – что немаловажно – концепты персонажей появились ещё в далёком 2010 году, где-то между первым и вторым курсом моего обучения на филологическом факультете. Кажется, что мне всегда хотелось говорить о противоречивых персонажах вроде Печорина, Онегина или, например, Гэтсби. Мысли, образы, даже обрывки фраз героев витали где-то в воздухе, но как именно всё это можно было бы описать и оформить в полноценную историю, я не знал.

Первые страницы и эпизоды появились только осенью 2013-го (буквально спонтанно, ведь тогда я ещё не знал, что из этого получится целая книга), а более-менее приличный черновик романа увидел свет лишь четыре года спустя. Сначала это были просто оформленные на бумаге мысли и впечатления. Мои или персонажей? Теперь это, наверное, уже не важно. Текст писался неравномерно: иногда он был морем, сбивающим сознание потоками мыслей, иногда пустыней – вдохновения, опыта и вообще желания браться за новые строки.

К концу 2017 года финал был уже совсем близок. Я сразу же начал искать пути будущего издания книги, создал первую краудфандинговую кампанию для сбора средств, однако толком из этого ничего не вышло. Вернулся к тексту и в начале апреля 2018 года впервые официально презентовал книгу в интернет-пространстве. На этом путь романа, конечно, не завершился – его ждали ещё несколько вычиток и правок, а также неминуемое издание. Хочу, чтобы вы знали: я никогда не ставил перед собой цель обязательно издать этот роман с целью монетизации. Почему? Об этом ниже.

Время создания романа «Юность: удалить» (черновое название – «Век забвения»), как вы понимаете, оказалось весьма длительным, а перемены в моём мироощущении произошли достаточно существенные, что, конечно, отразилось и на книге. Ключевые же идеи, которым я неустанно следовал, особых изменений не претерпели – и это было для меня крайне важным нюансом.

Это моя первая литературная работа такого большого масштаба. На данный момент (сентябрь 2019 года) роман правился уже несколько раз. Многие эпизоды, моменты и детали я оставил статичными и соответствующими именно тому, над чем я размышлял пару лет тому назад. Конечно же, книга могла бы редактироваться бесконечно (наверное, все начинающие авторы сталкиваются с этим), но это лишь начало пути – и пусть оно останется пробой пера с наиболее искренним отражением всего того, что осталось позади – во мне, в моих героях, в вас – за эти пять-шесть лет.

Также хотелось бы отметить, что роман является именно *экзистенциальным* (не красивого слова ради), а это значит, что приоритетное внимание в книге уделяется рефлексии героев и их внутреннему миру, в то время как сами происходящие события в некоторой степени второстепенны. Почему так? Мне, как начинающему автору-реалисту, было и проще, и интереснее работать именно в этом направлении.

Я очень хотел бы поделиться с вами некоторыми пояснениями, чтобы понимание отдельных эпизодов книги стало более осмысленным, однако не могу лишить вас возможности увидеть в ткани текста что-то «свое», близкое именно вам. В книге достаточно много символов

и «флешбеков», которые превращают её в своеобразное путешествие по лабиринту мыслей; с каждой главой рефлексия персонажей всё больше и больше расширяется, а погружение в их внутренний мир только усиливается.

Также одна из основ книги – эффект *синестезии*. Не исключаю, что кое-где описаний даже недостаточно, чтобы в полную силу прочувствовать всё то, что я пытался передать одними лишь словами: ощущение пространства, времени, свет, запахи, звуки. Но, как бы там ни было, для меня эта сторона была очень важной, и я искренне надеюсь, что вы коснётесь и почувствуете её хотя бы на некоторых страницах.

Что дальше? Ещё недавно я был уверен в том, что напишу спин-офф (ответвлённую историю про некоторых персонажей) данной книги, но теперь же, всё обдумав, я не могу утверждать, что у этой истории есть потенциал и идейное продолжение. У меня, конечно, есть определённые мысли по поводу дальнейшей литературной работы, но что именно из этого получится – покажет лишь время.

Спасибо, что читаете. Чтение – уже огромное участие во всей этой работе по созданию художественного мира, который вы формируете в сознании вместе со мной. Это была сложная, но гипнотизирующая работа: придумать целую историю, стать её частью и сделать частью читательского воображения. Я искренне воодушевлён и очень рад, что всё это оказалось осуществимым.

/

Сергей Шишков
www.shishkov.online

Пролог

Огромный одинокий дуб посреди большого холма. Холодный ветер тревожно раскачивает из стороны в сторону многочисленные ветви. Чёрное небо угрюмо смотрит вниз и словно норовит вот-вот упасть прямо на серую землю, навсегда укрыв всё живое своим мраком. Кажется, что тучи вверху не проплывают, а убегают в надежде как можно скорее скрыться из этих мест.

Он стоит неподалёку. Что *он* здесь делает, как *он* сюда попал? Глаза застилает пеленой от пыли, а ветер будто бы только усиливается, обдувая лицо и руки, мешая думать.

Внезапно, там вдалеке, внизу, появляются какие-то силуэты. Люди? Поток стремительно растёт, словно огромное нефтяное пятно на белом море, и вот его масса становится уже такой большой, что заслоняет собой всю линию горизонта. Неспешно поднимаясь, все в белых одеждах, люди что-то обсуждают, но слов разобрать невозможно – кажется, что говорят они на абсолютно разных языках. На лицах их нет совершенно никаких эмоций, стеклянные глаза отрешённо смотрят куда-то вперёд, словно сквозь тебя. Толпа всё растёт и растёт, и вот люди уже прижимаются вплотную. Шум голосов становится невыносимым, а болтовня неразборчива. Откуда-то слышится детский смех, кажущийся самым понятным звуком среди всего этого кошмара, однако самих детей не видно.

– Кто вы? Что здесь происходит? – кричит *он*, кричит словно в никуда. Никто не отвечает и даже ни на секунду не делает вид, что услышал. – Эй! Я вас спрашиваю!

Ему становится жутко от всего вокруг, а по телу пробегает предательская дрожь. Хочется уйти из этого места, исчезнуть, но вокруг уже не видно пространства, хотя бы на один метр свободного от людей. *Он* пытается схватить одного из них за руку, однако человек одёргивает её. Мгновенно, словно по щелчку пальцев, вокруг воцаряется тишина. Все поворачивают к *нему* свои лица.

– Кто вы? Как я сюда попал? Что вам нужно? – изо всех сил кричит *он*, но ответа по-прежнему нет, и тут – раздаётся смех. Сначала одинокий смешок, затем второй, третий – хохот нарастает, становится всё громче и громче.

Он срывается с места и пытается бежать прочь, расталкивая тела. Некоторые из людей падают, но не прекращают смеяться, несмотря на то, что земля и песок попадают им в глаза и рот. Всё вокруг кажется полным безумием. *Он* толкает и толкает людей, сбивая их с ног и едва не падая сам. Мелькают лица, одежды, земля и небо – всё смешалось перед *его* глазами. Неожиданно холм начинает идти под откос, и люди толпами сыплются вниз, падают и ломают себе ноги, сворачивают шеи. С трудом удерживаясь на ногах, *он* мчится вниз, но горизонта по-прежнему не видно. Куда бежать? Зачем бежать?

В какой-то момент, спотыкаясь, *он* перестаёт контролировать своё равновесие и отчаянно машет руками, стараясь ухватиться хоть за кого-нибудь из толпы, но все словно расступаются, не давая возможности устоять на ногах. *Он* падает сначала на колени, а потом и вовсе переворачивается через голову. Снова небо и земля, всё летит и вращается перед глазами. Пыль, песок, трава, грязь. Руки сдираются в кровь, но *ему* так и не удаётся ни за что ухватиться. С огромной скоростью, кубарем, *его* тело летит вниз.

Удар. Что-то тёплое разливается по голове, а перед глазами начинают мелькать звёзды. В *его* ли это сознании? Или *он* уже умер, а всё вокруг – бесконечная тьма космоса и холодные планеты? *Он* не пытается удержаться здесь, но что-то всё ещё не отпускает. Едва уловимый звон. Почти тишина – и тишина эта кажется прекрасной.

Глава 1

1

Август 2015

Максим щурится от яркого фонарика, который светит ему прямо в слезящиеся глаза.

– Соберитесь, ещё чуть-чуть, – доносится голос доктора.

– Стараюсь, – отвечает парень.

– Так, хорошо. Теперь посмотрите влево. Так, теперь вправо. Высуньте язык. Поскальте зубы. Хорошо. Теперь, пожалуйста, встаньте. Ноги вместе, руки вперёд, глаза закрыты. Указательным пальцем правой руки попробуйте коснуться носа. Так, теперь другой рукой. Всё ясно. Кроме головной боли и звона в ушах ещё что-то беспокоит?

– Немного тошнит.

– Это Вы ещё хорошо отделались, Максим Владимирович. Как же Вас так угораздило?

– Ну, знаете, как это бывает, – начал Максим, слегка отвернувшись в сторону. – Вечер, темно, алкоголь, немного перебрал, вышел, споткнулся, упал...

– Очнулся – гипс? – попытался пошутить доктор.

– Вроде того.

– А как же все эти ушибы на теле – Вы что, с горы упали?

– Не знаю. Вы доктор – Вам виднее.

– Так, ну хорошо. Будем лечиться. И постарайтесь больше так не падать, пожалуйста.

– Всё время стараюсь, – вяло улыбнулся в ответ Максим.

Доктор вышел за дверь, а вслед за ним – мужчина в чёрном костюме, всё это время стоявший в дверях палаты и внимательно слушавший. Их диалог продлился несколько минут, после чего, пожав друг другу руки, они попрощались. Мужчина вернулся в палату и сел на пустую кровать напротив.

– Ну что ты за баран, а? – внезапно выпалил мужчина и вздохнул. – Ладно я, но хоть бы о матери подумал! Да и вообще, у тебя что – девять жизней? Ты собой и своим здоровьем дорожишь или нет, я не пойму... Что за дерьмо творится в твоей голове в последнее время?

Парень молча перевернулся на другой бок, лицом к стене.

– Ты меня слушаешь вообще, Максим? Что вчера произошло? Расскажи, что случилось, и мы во всём разберёмся, найдём виноватых и накажем их. Хотя я уверен в том, что без твоего длинного языка там тоже не обошлось.

– Всё нормально, – пробурчал Максим, надевая наушники.

– Ладно, как знаешь. У меня нет времени на твои игры. В общем, отсюда – ни ногой, как минимум три дня, ты меня понял? Понял? Я не слышу.

– Да, – сухо ответил парень.

– Вот и хорошо. Прибавил мне тут забот... – сказал мужчина, вставая с кровати, и, застёгивая свой пиджак, направился к выходу.

Максим снова перевернулся на спину, потому что лежать на боку было уже невыносимо: рёбра, а с ними, кажется, и почки сильно болели.

Палата была небольшой, но светлой и чистой и напоминала, скорее, двухместный бокс для «особенных» пациентов. За дверью слышались приглушённые голоса, кашель и шуршание тапок по линолеуму, а какая-то женщина – видимо, сестра-хозяйка – громко звала пациентов на завтрак. Над головой, покорная тёплому летнему ветру, развевалась штора, а из открытого

окна доносилось щебетание каких-то птиц. Через узор ткани солнце рисовало причудливые очертания на пустой стене. «А ведь в этом мире всё могло бы быть хорошо. Многие этому способствует, множество простых и понятных вещей. Но нет же, это было бы слишком просто...» – почему-то подумалось в этот момент Максиму, после чего он закрыл глаза и уже вскоре задремал.

На другом конце города – старого и абсолютно такого же, как и сотни других городов нашей необъятной страны – в небольшом кабинете сидели двое мужчин, один из которых долго, красочно и с жаром на лице что-то рассказывал другому.

– И за всё это я готов платить тебе тридцатку, – подытожил Григорий.

Антон одобрительно покивал головой, попутно разглядывая офис. Здание находилось в не самом приметном районе города – всё здесь, скорее, напоминало небольшую складскую промзону, в которой нашлось место и нескольким старым двухэтажным административным зданиям.

Григорию на вид было около тридцати пяти лет, а его белая рубашка с эффектными блестящими запонками и красивый галстук с вензелями выдавали в нём человека со вкусом (или как минимум человека, который хочет, чтобы другие думали, что у него есть деньги и вкус). На рабочем столе был абсолютный порядок: тетради, книги и ручки лежали так, словно являются элементом декора, и к ним вообще никто и никогда не прикасается. Рядом стояло небольшое искусственное денежное дерево и копилка в виде Будды. Стены офиса украшала пара картин-мотиваторов на английском языке, вставленных в дешёвые чёрные рамки, а большая искусственная пальма возле шкафа придавала помещению даже излишнюю экзотичность.

– Что ж, меня это устраивает, – ответил Антон, хотя, откровенно говоря, поверил далеко не всему из сказанного Григорием, но выбирать не приходилось, так как деньги были нужны ежедневно, а здесь, по крайней мере, это обещали.

– Отлично! Когда ты готов приступить к работе?

– С понедельника готов.

– Шикарно, – очень доброжелательно ответил Григорий, всё время словно улыбаясь глазами. – Тогда жду тебя в понедельник в восемь утра.

– Да, хорошо, понедельник, в восемь, – повторил Антон и, вставая со скрипящего стула, пожал Григорию руку.

Выходя из кабинета, Антон заметил, что в офисе достаточно много коробок, а одна из стен была заставлена ими целиком, до самого потолка. Все они были разной формы, но никаких надписей сбоку не было. «Да всё равно, что здесь творится, – лишь бы исправно платили», – подумал парень.

Гудок автомобиля. Павел открывает глаза и видит мелькающие за грязным стеклом объекты. Вокруг, если не считать какого-то монотонного приглушённого гула, совсем тихо. Голова просто раскалывается, и приходится приложить сильнейшие усилия, чтобы сесть чуть ровнее на сиденье и упереться затылком в мягкую спинку. Парень смотрит по сторонам и обнаруживает вокруг себя десятки сидящих и стоящих людей. Одеты все они совершенно мрачно, а на лицах присутствует одна и та же эмоция – безразличие. Внезапно транспорт наезжает на кочку, и всю эту массу одновременно качает сначала вправо, а затем влево. Один из пассажиров не удерживает равновесие и практически падает на занятое кем-то место.

– Ну мужчина, осторожнее, а!

– Простите.

Все они постоянно зевают, кашляют и тыкают пальцами в свои телефоны. Сегодня, кажется, пятница. Сколько сейчас вообще времени? Павел вновь отворачивается к окну. Нужно вспомнить, что же вчера произошло, хоть что-нибудь: события, места, лица.

Кажется, снова поругался с матерью. Потом позвонил Андрей, позвал на какую-то вписку. Приехали, но ничего интересного там не оказалось, поэтому поехали дальше, в клуб. Алкоголь, много алкоголя, танцы. Ушли, наверное, часов в пять. Прошёлся через пару улиц, пытаюсь поймать последние тёплые часы этого лета, а также собственные мысли. Потом прыгнул в один из ранних автобусов и теперь едет домой. Всё так?

Все эти вечера, эти ночи – такие мимолётные, а потом – снова это утро. Чёрт, как же не хочется ехать домой... К горлу подступает неприятный комок. Не решаясь дожидаться худшего, Павел вскакивает со своего места и, протискиваясь через своего соседа – мужчину в мятом сером пиджаке, – идёт к выходу. «Добролюбова», – провозглашает голос из динамика. Ехать до дома ещё одну остановку, но сил находиться в этом грязном душном автобусе больше нет, и Павел выскакивает на тротуар. Поток свежего утреннего воздуха ударяет ему прямо в лицо, организму становится чуть легче. Сделав ещё несколько глубоких вдохов, парень выходит на придорожную аллею и направляется к дому.

Город медленно просыпался. Фонарные огни давно погасли, но солнцу всё никак не удавалось взять улицы под свой контроль – мешали ему не столько дома вокруг, сколько плотные, светло-серые, как дым, облака. Совсем недавно выложенная, аккуратная тротуарная плитка казалась неуместной: мрачные коричневые панельные дома, грязные ларьки, переполненные урны, разбитый дорожный асфальт – всё это было здесь более привычным и даже создавало, казалось, некую атмосферу. Лёгкий ветерок шелестел листьями, многие из которых уже начали желтеть. Температура на улице, однако, была весьма благоприятной, что оценил, наверное, и тот мужчина, лежащий с подогнутыми коленями на лавочке неподалёку. Павел достал из кармана мобильный телефон. Сел или просто выключен? Уже неважно.

Миновав ещё несколько домов, Павел свернул в свой двор. Неожиданное чувство глупой ностальгии охватило его разум. Сколько времени было проведено в этой старой грязной песочнице, на этих деревьях, по которым они лазали мальчишками, на этих кривых деревянных лавках. Изменилось ли что-то за пять, десять лет? Вереница самых разных дорог, всегда ведущая в одно и то же место – домой.

Голова сильно кружилась, уже у самого подъезда Павел снова ощутил неприятную тошноту и, не в силах себя больше сдерживать, вырвал в доцветающие рядом кусты. Именно в этот момент из темноты дверного проёма, как паук, появилась пожилая соседка, живущая этажом ниже, и, едва различимо брякнув что-то, прошла мимо. Парень хотел ответить ей, чтобы помалкивала, но сдержался и просто пошёл дальше. Кнопка, лифт. Нет, это слишком быстро и просто, стоит пойти по лестнице.

Шаг за шагом Павел приближается к двери своей квартиры. В каждом лестничном проёме по девять ступенек. Раз, два, три... Тридцать шесть. Кажется, это был самый долгий путь домой. Юноша решает не открывать дверь ключами и нажимает на звонок. Торопливые шаги. Мать, конечно же, уже не спит. Или ещё не ложилась. Из-за него, разумеется. Как же противно от самого себя, но пути назад уже нет. Да и куда ещё идти?

Звук поспешно открывающегося замка. Распахнутая дверь. И раскатившееся по всему этажу громкое эхо – от внезапной звонкой пощёчины.

2

Утро субботы. Из соседней больничной палаты доносится громкий голос какого-то старика, активно что-то рассказывающего своим соседям.

– Было это во время войны, корейской. Документы ушли. Проходит какое-то время, какое-то время, значит, проходит... Вызывают меня в наш райвоенкомат...

– Погоди, как это – корейской? Сколько же тебе лет, отец?

– Мне? Девяносто один.

– Ух... Да ты прямо живчик, слушай.

– Живчик... Если бы ещё не insult четыре года назад – вот тогда... А оно же как происходит: живёшь себе, здоров как бык, а тут – раз – и всё. А с чего? Не пил, не курил.

– Ну, никто не застрахован, – вздохнул сосед по палате.

– Да ещё и возраст такой, чего ты хотел... – сказал ещё один.

– Так, четвёртая палата, – раздался голос медсестры. – Потише там. На всё отделение горлопаните.

Максим вышел из своей палаты, прошёл по коридору и спустился из стационара по лестнице. Прямо под косоуром есть дверь запасного выхода, через которую парень и попал на улицу, чтобы немного подышать свежим воздухом.

Несмотря на то, что на дворе было только одиннадцать часов утра, жара уже стояла приличная. Сигарет не было, а курить хотелось. Неподалёку Максим заметил мужика лет шестидесяти – кажется, из соседней палаты – и направился к нему.

– Извините, сигареты не будет?

– Такой молодой, а куришь, – сказал мужик, протягивая, тем не менее, парню пачку.

– Спасибо, – равнодушно ответил Максим и хотел было уже уйти, чтобы не продолжать этот глупый диалог, как вдруг острая боль пронзила его поясницу, из-за чего парень был вынужден сесть на лавочку и отдышаться.

– Ты тоже из неврологии, да? – не унимался мужчина.

– Да.

– С чем лежишь?

– От армии кошу, – недолго думая, соврал Макс.

– Ха-ха, – усмехнулся и тут же сильно раскашлялся мужик. – Ну ты даёшь!

Возникла небольшая пауза, после которой Максим как раз хотел уйти, но мужик снова начал разговор.

– Да уж. Чёрти что, чёрти что получилось... Я вот когда-то работал на конденсаторном заводе, – затянулся сигаретой мужчина. – Всё делали, всё умели, в космос летали. А сейчас что? Эх...

– Я думаю, что нельзя сравнивать времена. Каждой эпохе – своё, – безразлично, но с чувством собственной правоты ответил парень.

– Да? – пристально посмотрел на Макса мужик. – А кто хлеб будет делать? Эти, как их там... Мани... Мени...

– Менеджеры, – поправил Максим.

– Вот-вот. Они, что ли?

– У них другая задача.

– Вот именно! – радостно воскликнул мужик. – Всё должно быть распределено и распределено грамотно.

– Мне кажется, что современные технологии и так всему способствуют. Разве может человек сделать лучше то, что делает сегодня робот на производстве?

– Робот... Видишь, – мужик показал Максиму свои ладони – грубые, словно вечно грязные, в многочисленных мозолях и рубцах. – Я пока ещё не видел робота лучше, чем собственные руки. Робот, ха!

Максиму то ли не хотелось, то ли попросту нечего было на это ответить, и он лишь промолчал.

– Целая эпоха пролетела. И что от неё осталось? Да нихрена.

– Ну, сейчас идёт новая эпоха. Всё продолжается. Мне дед тоже всякое рассказывал...

А где истина-то?

– Истина... Новая эпоха... – усмехнулся мужик. – Тебе годков-то сколько?

– Двадцать.

– Вот, двадцать, – радостно выдал мужчина. – Эх, молодняк... Что там у вас, впереди – кто знает... Да хоть бы и небо чистое было над головой – и то хорошо. Жизни повидать.

Максиму стало даже как-то неловко от всего этого странного диалога. «Повидать жизни, – думал парень. – Да что этот мужик со своими грязными мозолистыми руками мог повидать? Он что, постоянно путешествовал, зарабатывал миллионы или хотя бы испытал какую-то душевную гармонию, спокойствие в этой жизни? Нет же, ничего этого не было и нет. Что он повидал? Чему он тогда благодарен? Простой возможности жить? Небу над головой? Когда лежишь в могиле, небо тоже над головой. А жизнь – да просто генетическая случайность, разве нет?»

– Ладно, бывай... Поковылял я, ещё на массаж идти, – сказал мужик, выбрасывая окурок в урну и медленно шагая к двери.

Макс ненадолго задумался, посмотрел на голубое небо, по которому проплывало всего одно небольшое белое облако, но вскоре тоже встал и зашёл в здание больницы.

Выходные пролетели мгновенно – да и бывает ли иначе? Автобус, в котором ехал Павел, был практически битком набит молодёжью. Судя по всему, все они тоже ехали в университет: кто-то посмотреть списки абитуриентов, кто-то закрыть хвосты, кто-то на практику. В салоне стоял шум и смех. Было жарко, и даже настезь распахнутые окна и люки слабо спасали ситуацию – ветер тоже был горячий. В автобусе пахло потом, антиперсперантами, автомобильным маслом, и хотелось как можно скорее выйти отсюда.

«Дерьмово, что лето уже заканчивается, не хочу в универ», «мы с предками в этом году были на Кипре – так здорово, жила бы там вечно», «а Лёха-то завалил Аньку, слышал?» – доносились с разных сторон. Павел сел у окна и уже пожалел об этом: солнце пекло изо всех сил, по лбу стекали капли пота, а одежда, казалось, промокла насквозь. В окне мелькали до боли знакомые улицы, проспекты, площади и скверы. Хотелось, наверное, забыть всё это навсегда, но жара мешала рационально думать, плавила мысли и вынуждала то и дело доставать из сумки бутылку воды.

В сознании всплывали фрагменты выходных и всего того, что им предшествовало. Мать, конечно же, злилась и обижалась все эти два дня. Ну, ничего нового.

Пятница оказалась вовсе очень туманной – по большому счёту из-за жуткого похмелья, которое испытал Павел. В четверг развлекаться никто и не собирался, но очередная – бессмысленная и беспощадная – ссора с матерью вынудила парня выскочить из дома и пойти в неизвестном направлении, пока раздавшийся звонок друга не сформировал координаты дальнейшего перемещения. А с матерью – ну что, как обычно: слово за слово, «твое увлечение музыкой не принесёт тебе денег, займись чем-нибудь посерьёзнее» и так далее, а компромисса найти так и не удалось, как всегда. Через час Павел оказался на какой-то чужой вечеринке в соседнем районе, где было настолько скучно, что ребята своей небольшой компанией решили продолжать веселье в местном клубе. Поначалу и там, как казалось, было не очень интересно,

но алкоголь сделал своё дело, и ещё через полчаса всё встало на свои места. Мысли, тем не менее, не отпускали Павла, и, уже изрядно перебрав, он всё-таки решился уйти. На улице стояло раннее утро. Павел побрёл в сторону остановки, сам не зная, на какой автобус можно надеяться в такую рань.

Внезапно из-за соседнего угла послышались звуки какой-то возни и непонятные хлопки. «Эй, слышь, хватит!» – услышал Павел и остановился. Сердце предательски ускорило свой ритм, но любопытство от чрезмерного количества алкоголя в крови распирало, поэтому парень зашёл за угол и увидел какую-то потасовку. Совершенно не ясно, что заставило юношу в следующий момент туда пойти, но он, однако, пошёл. Ноги сами вели его навстречу возможным приключениям, которых разум – если бы он был трезв – наверняка не хотел. Пять или шесть человек дрались, кто-то уже лежал на земле. Вокруг собирались люди, девушки кричали, но Павлу ничего не было ясно: кто прав, кто виноват...

– Паша. Ростовцев! Привет! – раздался девичий голос.

Павел перестал вспоминать, обернулся и увидел свою одноклассницу Лену.

– О, привет. Будешь садиться? Я уступлю.

– Нет уж, сиди на солнце сам, – усмехнулась девушка. – Ты в универ? Посмотреть на списки?

– Ага.

– Я тоже. Я слышала, ты на филфак?

– Да.

– Значит, вместе будем учиться.

– Если я поступлю, конечно, – улыбнулся Паша.

– Ой, да куда ты денешься! Пошли, нам скоро выходить.

Ребята вышли на остановке, перешли дорогу и перед ними открылся вид на главный университет города. В душе у Павла вспыхнули противоречивые чувства: с одной стороны, он очень ждал поступления, и ему казалось, что это будет начало нового, интересного и яркого жизненного этапа; с другой стороны, им овладел страх – перед новыми людьми, знакомствами и более сложными, чем это было в школе, обязанностями. Ответственность перед самим собой, перед родителями и новыми преподавателями пугала и воодушевляла одновременно.

– Встал посреди дороги! – брякнул какой-то проходящий мимо парень, ударив Павла плечом.

– Извини, – последовал машинальный ответ.

«Вот тебе и начало нового пути», – подумал про себя Ростовцев.

Антон смотрел на содержимое багажника и слегка недоумевал. Здесь стояли те самые коробки, которые на прошлой неделе он видел в офисе, и забиты они были совершенно разными предметами: детскими книгами, календарями, универсальными отвёртками, овощерезками и бог знает чем ещё.

– Подожди, – сказал Антон. – Это всё нужно продавать?

– Не совсем, – уверенно ответил ему Денис, работавший в этой фирме, судя по всему, уже очень давно. – Отвезём, предложим клиентам – выбор за ними. Мы, по большому счёту, просто курьеры, торговые агенты.

– Ясно, – вздохнул Антон, наблюдая, как Денис небрежно заталкивает уголки коробок, пытаясь освободить крышку багажника, чтобы суметь её захлопнуть.

– Садись в машину. Толян, поехали, быстро-быстро, время! – руководил парень, тыкая пальцем в часы на руке.

Авто – серая «Лада Калина» – было забито под завязку. Денис сел на переднее пассажирское место, сзади расположился Антон и ещё двое ребят, которые всё время молчали и озирались по сторонам. Видимо, тоже новенькие. Водителем был Толя – работал он здесь явно не первый день и уже успел освоиться, всё время что-то обсуждая с Денисом. За минуту до отъезда на улицу вышел Григорий и помахал рукой.

– Стой, стой, подожди. Ребят, возьмите девочку, а паренька сзади отдайте Петровичу в машину, – скомандовал шеф и высадил одного из парней с заднего сидения. В этот же момент к машине подошла высокая светловолосая девушка и села в салон. Антону не нравилась вся эта суета – он хотел как можно скорее поехать на точку и увидеть работу. Все эти коробки, офис на отшибе, странные выезды большими составами – всё казалось мутноватым и не способным приносить какой-либо адекватный доход. Вскоре Толя завёл авто, и ребята выехали.

Мимо проплывал утренний город. Было душно, в окна летел лёгкий ветерок, пахнущий то остатками лета, то дымом проезжающих мимо машин, то шашлыком из ближайших ларьков. Ребят, сидевших рядом, как казалось Антону, клонило в сон, но как только это замечал Денис, то сразу же говорил: «Эй, не спать там!» Антон смотрел в окно и старался ни о чём не думать. Машина ехала уже за чертой города, когда девушка спросила, куда они направляются.

– В Тиходонское, тут недалеко, – ответил Денис. – Знаешь?

– Нет.

– Ты не местная?

– Нет, я с юга.

– Ростов?

– Ну да, рядом.

– Тебя как зовут?

– Оля.

– Меня Денис. Это Толя, рядом с тобой Санёк и Антон. И что тебя вынудило покинуть Ростов? Хороший же город.

– Обстоятельства, – сухо ответила Оля и отвернулась к окну.

– Понятно, – сказал в ответ Денис и уткнулся в телефон.

– Ребят, мне нужно выйти, – робко произнёс Санёк.

– Блин, потерпеть не можешь? Немного осталось, – усмехнулся Денис.

– Ну, смотря до чего, – сквозь зубы ответил парень, и все дружно засмеялись.

Антон слегка наклонился, чтобы поправить шнурок на кедах и взглянул влево, на долю секунды случайно встретившись взглядами с Олей. Почти всю оставшуюся часть дороги ребята промолчали, изредка беседовали только Денис и Толя.

Примерно через полчаса машина остановилась в центре Тиходонского. Это был небольшой, но чистый и аккуратный посёлок в пригороде. Денис открыл багажник и первым делом взял свою большую чёрную сумку, перекинув её через плечо. Роста он был небольшого, но плотный и коренастый, да и привыкший, наверное, либо к этой работе, либо к подобной другой. Все получили по сумке или пакету и приготовились идти. Толя закрыл машину и – тоже с сумкой – молча ушёл в одном из направлений.

– Так, сначала идём в здание администрации, – сказал ребятам Денис.

– Администрации? Всеми? – озадачился Саша.

– Нет, вот ты и пойдёшь со мной. Ребята подождут здесь, внизу. Мы быстро.

С этими словами Денис и его новый подопечный скрылись в дверях высокого светлого здания. Антон поставил сумку на тротуар и начал рассматривать местность.

– А здесь даже уютно, – внезапно сказала Оля.

– Ну да. Убрано, симпатично, – поддержал её парень.

– Ты тоже первый день?

– Да.

- До этого уже работал дистриком?
- Дистриком? – непонимающе спросил парень.
- Ну, дистрибьютором.
- Нет, никогда. А ты?
- Бывало, да.
- И что это? Продажи, распространение товаров?
- Именно так.
- А Денис говорил про курьера, про агента...
- Ну да, они все так говорят, – засмеялась Оля. – А если бы тебе прямо сказали, что ты пришёл продавать календари, ты бы остался?
- Не думаю, – улыбнулся в ответ парень.
- Ну вот. Поэтому ты и «курьер, агент». Наслаждайся. Так звучит и правда лучше.

Антону этот диалог показался забавным, но вот такое открытие сразу всех карт не очень сильно его порадовало и даже немного сбilo с трудового настроения. Дистрик, дистрибьютор, продажи. Что за ерунда? Но парень тут же вспомнил о том, что ему в первую очередь интересны деньги, а не любовь к работе, и немного успокоился.

– Вот же крендель, – усмехнулся вышедший из здания Денис. – Труханул этот Санёк. Ну ничего, пусть сам поварится. Пошли в налоговую – вон, напротив.

– А это нормально? – уточнил Антон.

– Что, налоговая? Лично мне кажется, что нет, но платить налоги нужно, – пошутил Денис. – А если серьёзно, то всё в порядке. Женщины там мировые, не парься.

За небольшими местными зданиями гордо поднималось солнце, освещая дорогу новому дню, полному различных возможностей. Тихо, но настойчиво журчал маленький центральный фонтан, щебетали птицы, а откуда-то издалека слышалась музыка – из автомобиля, какого-нибудь магазина или, может быть, с рынка. Ребята взяли свои сумки и пакеты и направились в серо-синюю постройку рядом.

3

Катя всё время что-то рассказывала, то и дело жестикулируя руками, но Максим, к своему стыду, уже несколько минут не слушал девушку, продолжая пристально смотреть в её глаза, на её лицо, мимику. Ему нравились черты лица, улыбочка, почти всё время приподнятое настроение Кати и её умение искать радость во всяких мелочах. Сейчас она что-то рассказывала про университет, про занятия в активе, про свою волонтерскую работу и так далее. Максим улыбался и просто кивал в ответ. Не то чтобы ему было не интересно, просто сама девушка, вся её жизнь, увлечения и хобби казались ему какими-то нереально добрыми, фантастическими, и парень не хотел упустить ни мгновения из всех тех секунд и минут, что они находились рядом.

– Слушай, – внезапно перебил девушку парень. – А ты помнишь, как мы познакомились?

– Максим, это было всего три месяца назад, – засмеялась Катя. – Конечно, помню.

– Я имею в виду, что ты почувствовала. Ты помнишь?

– Ну, ты был весьма нагловат – это я помню, – снова улыбнулась девушка.

– Что, всё было так плохо?

– Да нет. Просто я никак не ожидала, а ты молча подошёл и поцеловал. Мы были знакомы дня три, на минуточку.

– Жизнь и так слишком коротка, – подмигнул глазом Максим.

– Это твой девиз по жизни, Ламанский?

– Ага. Но ты ведь не была против. Я не помню сопротивления.

– Сначала я просто впала в ступор. А потом подумала, что ты вроде как хороший парень.

– «Вроде как хороший парень», – передразнил Максим и тут же получил несильный удар кулаком в плечо.

– Ну ладно тебе!

– Я помню, ты ещё сказала мне, что уже поздно, и нельзя среди ночи возвращаться домой, поэтому мы так и просидели на набережной до самого утра, пока не рассвело.

– Но ты же не думаешь, что меня бы не пустили домой? Я просто хотела побыть с тобой, дурачок.

– Что, правда?

– Конечно! Ну что ты как маленький, Ламанский. Не сообразил?

– Нет, – озадаченно ответил Максим и улыбнулся.

– Что ж, потешила твоё самолюбие.

Максим придвинулся к Кате вплотную и крепко обнял её. На улице уже начинало холодать, скоро нужно было идти домой.

– Как твоё самочувствие? – поинтересовалась Катя.

– Всё хорошо, здоров.

– Точно?

– Да, всё хорошо, – уверенно ответил парень, но тут же вспомнил о своих синяках и постоянных головных болях.

– Тебя никуда пускать нельзя, нашёл на свою пятую точку приключения. Ты знаешь, как я испугалась?

– Я не хотел тебе говорить.

– Думаешь, я бы не узнала? Нельзя скрывать такие вещи. Что за друг-то потащил тебя в этот клуб?

– Да есть там один, со школы, – ответил Максим, опустив глаза вниз.

– И что, он не мог остановить эту потасовку?

– Куда-то вышел, я не знаю.

– Максим, – покивала головой Катя и тут же поцеловала парня в щёку. – Береги себя, пожалуйста.

– Буду, – неуверенно ответил Максим. – Блин, холодает. Поехали домой?

– Поехали. У меня, кстати, родители до выходных в командировке, остаться не хочешь?

– Зачем остаться?

– Ой, ой, поговори мне ещё тут, – махнула рукой девушка и встала с лавочки.

– Классика жанра, прямо как в кино, – улыбнулся Макс.

Через полчаса ребята были дома. Ночь быстро опустилась на город и, казалось, даже укрыла своим теплом. Наверное, теплом всех этих желтоватых огней, горящих не только фонарями в окне, но и бликами на другой стороне города, вдалеке. Холодная темнота больше не имела власти, не могла пробежаться мурашками по их телам и вынудить куда-то уехать, спрятаться в более тёплом месте. Им было просто хорошо вдвоём, и ничего уже не могло этому помешать.

Максим стоял у окна и задумчиво смотрел вдаль – то ли на замёрзший городской пруд, то ли куда-то ещё. Глаза его были открыты и совсем не моргали, а в глубине зрачка теплился огонёк отражений.

Катя спала. В комнате было совсем темно. Едва слышно тикали настенные часы, которые девушка привезла из Стокгольма, когда ездила туда с родителями прошлым летом. Казалось, время остановилось, и ничего в целом мире не могло быть лучше этой минуты. Парень вернулся в постель, чувствуя мимолётную ненависть ко всему, что могло бы разрушить их с Катей любовь. Город, планета, Вселенная, эта горькая луна за окном, этот воздух, что разделял их на каких-то несколько сантиметров – всё показалось враждебным и ужасающим. Но ещё более страшным среди всего этого казалась... память.

– Ты чего? – неожиданно и тихо спросила, проснувшись, Катя, глядя на смотрящего в потолок Максима и его, словно каменное, лицо, отражающее очень слабое сияние луны за окном.

– Просто задумался.

– О чём? Расскажи, – попросила девушка и плотнее прижалась к парню.

Максим несколько секунд молчал, словно подбирая слова, прежде чем начал говорить.

– О том, что в современном сумасшедшем мире рядом каждому из нас давно уже нужен не человек, у которого тоже есть крутой смартфон, который тоже любит всякие роллы и смузи, который тоже смотрит тупые сериалы и даже не тот, кто поддерживает все твои придурковатости, а человек, которому наплевать на всё это, искренне и навсегда. Человек, который тоже устал от всех этих вечных плохих новостей: свиных гриппов, войн, цунами, ураганов – и может просто взять пульт, выключить ТВ и молча полежать с тобой на полу в полной темноте, наблюдая за каким-нибудь, не знаю, падающим снегом за окном...

– Вани-и-и-ль! – заулыбалась Катя.

– Ванильно, да. Но знаешь, у нас в жизни давно не было ничего ванильного, даже банального. Всё стало так сложно, а самое главное – лживо и противоречиво. Все слишком много из себя мнят и придают слишком большое значение тому бесполезному и провокационному, что происходит вокруг. Нас так много – во всех смыслах, но мы такие, блин, мелочные...

– Да кого это волнует? Все живут в этом, живут этим. И вообще: когда ты часть массы, над тобой смеются все те, кто, как им кажется, вырвался из неё. А когда ты тоже вырываешься, тебя постепенно подавляет уже другая масса. Всё это рвение... Кажется, что оно бесполезное.

– Да, ты права, – вздохнул Макс. – Нам давно пора остановиться. Оглянуться вокруг. Ведь люди, которые могут спасти нас от всего этого, всегда рядом. Да, все только и твердят: «будь собой», «забей», «не парься» – но что это, что такое «будь собой»? Где здесь я? Я вижу себя только как отражение всего вокруг; всего, что я впитал из этого мира. И даже когда все говорят «будь собой» – это же говорят не они, а тоже их отражение, отпечаток мира. Хрень какая-то.

Такое ощущение, что нет ничего настоящего. И чтобы его найти, нужно просто остановиться, подумать.

– Мы не умеем останавливаться, у всех есть эти амбиции, эта дурацкая призрачная мечта. Как правило, очень приземлённая.

– Да. Зато почти всегда достижимая, в отличие от... – начал парень и снова задумался.

– От чего?

– А?

– Достижимая мечта. В отличие от чего?

– Да я просто... опять задумался.

– Заболтался ты! Хватит думать. Давай спать.

– Давай.

«Неужели я всё ещё могу быть счастливым... Неужели я всё ещё умею быть счастливым?» – подумал Максим и обнял Катю крепче, словно боясь поверить в хорошее, боясь поверить самому себе.

На улице зашуршал ночной августовский дождь.

За час до этого, пока ещё не было дождя, Павел вышел из своей квартиры в подъезд и прошёл шесть этажей вверх. Девятый этаж отделяла от крыши небольшая железная техническая лестница и горизонтальная дверка, на которой висел большой амбарный замок, уже очень давно сломанный и лишь создающий видимость закрытия. Приложив небольшое усилие, парень распахнул дверку и выбрался на грязную крышу, отряхивая руки.

Девятиэтажный дом, в котором жил Павел, был одним из самых высоких на их старой улице – мрачной, разбитой и словно притаившейся за сырыми арками, но расположенной аккуратно за центром города, – поэтому с крыши не было видно ничего, кроме чёрного неба, макушек тополей, пары высотных торговых центров и бесконечной вереницы сияющих дорог и огней. Лето заканчивалось, в воздух уже прокрадывался вечерний холод, а в чистой вышине над головой, прищурившись, можно было разглядеть некоторые звёзды. Ростовцев прошёлся по крыше, пиная ногой небольшие кусочки смолы, и сел на привычное, наиболее широкое место на парапете, в самом углу здания.

«Ну что, парень, вот и всё, – начал размышлять юноша. – Школа закончилась, и детство, по-видимому, тоже. Через пару дней стартует университет, новая жизнь и всё такое.

Чувствую ли я какие-то перемены в мире, в жизни, в себе? Не знаю. Вроде бы всё осталось тем же: и я, и жизнь, и эта крыша, и эти мысли в голове. А что будет ещё через пять лет? То же самое? Я снова приду сюда, буду сидеть и думать о том, что ничего, собственно, и не изменилось? Что получается: в переменах виноват не возраст, не школа, не ВУЗ. Я сам? И что мне нужно делать, чтобы я ощутил эти перемены? Чтобы они радовали меня, чтобы я знал, что жизнь идёт вперёд...»

Город утопает в океане темноты, а заново асфальтированные недавно ровные дороги эффектно переливаются светящимися красками магазинных вывесок и светом проезжающих автомобилей. Вот такая холодная и бессмысленная красота в танце с тишиной – единственное, что Павел всегда готов воспринимать. На мрачной крыше всегда как-то непривычно уютно и тепло – так, как обычно бывает только дома. Никто не мешает, никто не учит и не наставляет, ничем не делится и ничего не спрашивает.

Мысли Павла постепенно замедлялись и вскоре остановились вовсе. Сколько он так просидел в темноте – неизвестно, но в какой-то момент парень словно услышал шорох за одним из козырьков вентиляционной шахты и поспешно встал, решив, что пора бы уже спускаться

домой. Доехав на этот раз на лифте до своего этажа, Павел открыл входную дверь и зашёл в квартиру.

– Что-то быстро ты сегодня, – удивилась мама.

– Колян у зачем-то нужно было домой, вот и разошлись, – ответил парень, снимая обувь и проходя в свою комнату.

– Через десять минут ужинать, руки помой, – добавила Ирина Александровна и снова ушла на кухню.

Павел рухнул на свой диван и закрыл глаза. «Сесть бы в автобус, любой, и ехать бы, и ехать, и ехать отсюда... – думал Ростовцев. – Сбежать? Нет, просто ехать. Зачем? Не знаю».

С кухни доносились звуки работающего телевизора и шипения масла на сковородке. Мама гремела посудой и периодически включала воду в кране. Дома тоже было уютно, по-семейному, но стойкое ощущение того, что всё должно быть «не так», не давало Павлу покоя. Он не знал, чего именно ему не хватает, не мог объяснить этих тревожных и одновременно тоскливых мыслей, но некое однообразие, в котором он, кажется, жил уже лет пять подряд или даже всю жизнь, лишало ощущения какого-то жизненного удовлетворения. И за всё это, за все эти мысли парню было даже немного стыдно. Он жалел родителей – что бы они ни делали, что бы ему ни говорили. Они старались, старались как могли. Да, не всегда всё получается гладко, но у кого не так? Наверное, так живут все: люди за стеной, в соседнем доме, на соседней улице, в соседнем городе или другой стране. Везде и все.

– Паша, иди есть!

Четверг пролетел так же стремительно, как и среда. Антон медленно повернул ключ в замке, открыл дверь и, стараясь идти как можно тише, зашёл в квартиру. Включив свет в коридоре, он снял одежду, разулся и осторожно зашёл в комнату матери, не включая свет.

– Антоша, это ты? – послышался тихий голос.

– Да, мам, это я.

– Заходи, я не сплю.

Антон подошёл ближе, поправил одеяло, которым была укрыта мать, и сел с ней рядом.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил парень.

– Да ничего, всё хорошо.

– Давление измеряла?

– Да. Хорошее.

– Точно?

– Да, не волнуйся.

– Как твои ноги, руки? Как чувствительность?

– Я в порядке.

– Я там принёс картошку, хлеб, молоко и лекарство, которое доктор рекомендовал. Второе завтра возьму.

– Не переживай, я себя хорошо чувствую.

– Нет, ну раз нужно два, то купим оба. Я читал о них, хорошие препараты, как раз при невропатии, чтобы улучшалась чувствительность и мышцы окрепли.

– Купим-купим. Как работа-то? Расскажи.

– Да всё нормально, ничего особенного.

– Офис хороший?

– Да, офис, место, коллектив – всё хорошо. Прямо в центре – ну как я тебе и говорил.

– Я рада, – улыбнулась женщина и взяла сына за руку. – Я всегда хотела, чтобы у тебя всё было хорошо, всегда. И я верила в тебя. Мы с отцом старались...

– Так, ну прекрати, – твёрдо сказал Антон и, видя, как намокают глаза матери, положил на её руку свою ладонь. – Всё хорошо же. Ну что ты? У нас всё есть, я работаю, скоро и все лекарства будут. Всё хорошо, мам. Ну что за слёзы, прекращай. Я пойду поставлю воду для картошки и чайник, ужинать будем. Хорошо?

– Да, – ответила Варвара Андреевна и снова грустно улыбнулась.

Антон пришёл на кухню и налил воды в кувшин фильтра. Жидкость медленно набиралась, стекая из одной половины сосуда в другой. Парень всё смотрел и смотрел на эти капли, пока в его голову не начали закрадываться какие-то дурные и глупые мысли, которые он, тем не менее, тут же отогнал от себя, сначала сходя в ванную, помыв там руки и умывшись, а потом вернувшись на кухню и поставив на огонь кастрюлю с водой.

Тихо шипела газовая колонка, а через открытое окно с улицы доносились какие-то приглушённые звуки, шум ветра и голоса местных жителей, давно облюбовавших все придомовые лавочки. Антон сидел за кухонным столом, слегка настукивая по нему ложкой, и непривольно вспоминал события прошлой недели.

Странный был день, тот четверг. Сначала не задалось с увольнением и расчётными выплатами на старой работе, пришлось даже немного поругаться с руководством. Что можно поделывать со всеми этими непонятными коммерческими конторами – концов в них не сыщешь. Антон плюнул на всё это и просто ушёл, пожелав начальству удачи. Потом встретил свою знакомую, которая около года тому назад могла бы стать для него не простой знакомой, а, вполне вероятно, кем-то бóльшим – кто знает. Однако этого не случилось. Посидели в кафе, поболтали ни о чём, разошлись. «Яркий пример того, как возможное будущее сразу становится прошлым, не успев побыть настоящим», – подумалось в тот момент Антону. Девушка всё время печально улыбалась, крутила в руках кружку с чаем и, казалось, не могла найти подходящих, важных для беседы слов. Да и были ли они – эти важные слова? Нет, Антону от этого не становилось неловко – просто он, наверное, понимал её и даже не пытался делать вид, что всё это действительно нужно хотя бы ему. Ему это тоже не было нужно. Уже. Много случилось за этот год, а в ту же реку никто из них двоих, видимо, зайти уже не мог и не хотел. Не получилось тогда, вряд ли получится и теперь; гарантии стали совсем минимальными, о чём свидетельствуют хотя бы вот эти длинные паузы в диалоге. Шорохов просто сидел и смотрел в её большие зелёные глаза, надеясь увидеть там хоть что-то, за что можно зацепиться сердцу или душе. Спустя полчаса разошлись.

Потом Антон долго бродил по городу, разглядывал до боли знакомые здания в центре и гнал от себя всевозможные мысли, которые, тем не менее, так и норовили проникнуть в голову. Парень медленно шагал по очередной аллее сквера и смотрел на людей.

«Какие же огромные вселенные, наверное, у них в головах, – думал Антон. – Гигантские, необъятные. Но до многих из них никому нет дела и часто – даже самим обладателям этих вселенных. Мы живём в примитивных иллюзиях о том, что всё сложно, непонятно, зыбко, и колыхать свой собственный внутренний мир очень опасно. Люди смотрят на нас лишь через призму своих собственных интересов – часто никчёмных, и никто не знает нас лучше, чем мы сами. А мы убегаем, каждый день убегаем от самих себя – на работу, в кафе, в пабы, в кальянные, в телевизор, в холодильник, в интернет, на диван. Куда угодно, лишь бы не сталкиваться лицом к лицу с настоящим собой. Но на самом дне своего сознания мы видим истинную суть вещей, и некоторые явления предстают перед нами с совершенно иной стороны. Не нужно бояться нырять в себя – там всегда есть удивительный мир. Мир, который нужен именно нам, а не всему этому зверинцу вокруг. Настоящий мир».

Утро прошлого четверга, надо сказать, вообще окрасилось неприятным событием. Антон всегда рано вставал и иногда даже бегал по утрам – ему нравилось ощущение тонуса, которое придавала небольшая утренняя разминка. Выйдя из дома примерно в пять часов, Шорохов миновал пару крупных магазинов и вышел на одну из центральных улиц южного района, через

несколько кварталов от которой находился старый стадион, отлично подходящий для занятий бегом. Людей на улице было мало, если не считать небольшой дымящей толпы молодёжи возле одного из местных клубов подвального типа. Яркая одежда, макияж, густые бороды, очки в толстой оправе, громкие маты, смех в голос и дым от испарителей. «Чудесное у кого-то начало дня», – усмехнулся про себя Антон.

– Сигареты нет? – крикнул кто-то справа из толпы.

– Нет, – ответил, не поворачиваясь, Антон и свернул за угол дома, услышав со стороны внутреннего двора какой-то шум. Раздались женские крики. Парень рванул в проулок и тут же увидел, как несколько рослых парней сбили кого-то на землю.

– Эй, слышь, хватит! Отойдите от него! – крикнул, будто не слыша сам себя, Антон. Парни на секунду остановились и повернули головы, оценивая свою возможную новую жертву. Времени размышлять не было, и Антон, будто бы посмотрев куда-то в сторону соседних домов, снова закричал: «Эй, полиция! Полиция! Сюда, они здесь!». Толпа почти мгновенно разбежалась – видимо, совсем не желая проверять, был ли там кто-то из полицейских на самом деле или же нет.

– Парень! Звони в скорую! Да, ты! Ладно, иди, сам позвоню! – бросил Антон замешкавшемуся прохожему и, доставая телефон, подбежал к лежащему на земле парню, вокруг которого уже собралось несколько девушек.

4

В пабе пахло жареными гренками, пивом и, несмотря на запрет курения в общественных местах, сигаретами. Макс тоскливо допивал свой бокал пива и гонял по столу рублёвую монетку, сам даже не знающий, когда и откуда она там появилась. Внезапно за столом неподалёку он увидел, как ему показалось, знакомое лицо. Где же он видел этого парня? Откуда, откуда он мог его знать? Максим хаотично перебирал в голове события и лица, в какой-то момент встал с лавки и пошёл к другому столику.

– Привет, – сказал Макс одному из трёх сидевших за столом парней.

– Привет, – непонимающе ответил ему тот.

– Ты меня не помнишь?

– Нет...

– Неделю назад, у клуба, у «Койота». На меня там типы набросились, ты с кем-то подбежал, вы стали кричать, потом скорую вызвали.

Парень на несколько секунд задумался и окинул взглядом своих молчаливо сидящих друзей.

– Ну, наверное, да. Было дело. Да, скорую вызвал тот, второй.

– Значит, я не обознался. Спасибо тебе. Возможно, что я жив только благодаря вам двоим, кто знает.

– Да не за что, – как-то даже виновато ответил парень.

– Я Макс, – сказал Ламанский и протянул руку.

– Павел, – привстал со стула и ответил рукопожатием новоиспечённый спаситель.

– Слушай, прикольные у тебя часы, – сказал, пожимая руку и разглядывая серебряный циферблат, Макс.

– Да через интернет из Китая заказал, – смущённо ответил Павел.

– Ещё раз спасибо. Официант! Да, сюда. Слушай, вот этому парню налей самого хорошего пива, что у вас есть. Счёт потом мне, вот за тот стол. Окей?

Официант одобрительно кивнул и удалился, а Максим вернулся за свой стол. Паша сидел молча и даже не успел ничего ответить.

– А я смотрю, ты, блин, герой! – усмехнулся Коля, один из старых школьных друзей.

– Просто проходил мимо, – опустил глаза Павел. – Оказался не в то время, не в том месте. Да и я там не один был...

– Ну, судя по всему, всё совсем наоборот, раз ты человеку помог, – ответил Стас, второй знакомый.

– Не знаю, – задумчиво сказал Ростовцев и посмотрел в сторону столика Максима, где уже всю продолжалось веселье.

Неделей ранее

Максим сидит за барной стойкой и, глупо улыбаясь, крутит в руках маленький блестящий предмет.

«Ну что теперь, всякое бывает... Подумаешь, не успел... Хотя, может быть, это бы всё и изменило? Может быть, и изменило. Но теперь-то какая разница...»

Мысли парня уже давно путаются, но, судя по выражению лица, он рисует себе вполне приятные картины в голове и через пару мгновений решает заказать ещё какой-нибудь напиток.

– Эй, шеф, заряди четыре бокала светлого, – выкрикнул из-за плеча Макса бармену какой-то парень.

– Ну ты здесь не один такой, кому нужно что-то заказать, – вставил Ламанский.

– Прости, брат, пацаны ждут, я очень быстро.

От парня разило пивным перегаром и дешёвыми сигаретами. Он махнул рукой столику неподалёку, откуда в ответ ему показали уже несколько другой жест и дружно заржали несколько ребят. Максу была неприятна вся эта глупая ситуация, но он отвернулся и продолжил допивать свой стакан.

В клубе играла совершенно сумасшедшая музыка, и в своих невнятных кривляниях, которые считались вроде как танцами, люди словно сходили с ума. Крики, смех, непонятный свист, музыка – всё смешалось в голове, а кровь бурлила от безумного количества алкоголя. Молодёжь выбрасывала энергию, накопившуюся либо от постоянного безделья в вузах, либо от радости достигнутых ничтожных побед на работе. Они топтали друг другу на танцполе свои драгоценные китайские кеды и забрызгивали напитками модные китайские футболки, но всем было плевать, ведь здесь все просто обожают эту восхитительную псевдопозицию свободы от окружающего мира и могут позволить себе всё, что угодно. Что угодно из того, что в этой жизни не имеет никакой ценности, конечно.

Сознание Макса постепенно куда-то уплывало, музыка в голове становилась всё приглушённое, а самые страшные и тяжёлые мысли – всё громче. На дне стакана болтался нарастающий кусочек льда, но парень всё же не стал просить повтора – нужно было разогнать кровь и немного прийти в себя на танцполе.

Вокруг мигали разноцветные огни светомузыки, народ прыгал в такт ритму и даже подпевал каким-то наиболее знакомым огрызкам треков. Взгляд Макса столкнулся со взглядом танцующей неподалёку девушки. Парень, в общем-то, ничего не ждал от этого бесполезного вечера, но алкоголь делал своё дело, и тела молодых людей постепенно притягивало друг к другу. «Симпатичная, ничего не скажешь. Мило улыбается, красиво двигается и однозначно заводит».

Но самое веселье началось тогда, когда тот самый парень, что наглед у барной стойки, чёрт его побери, почти вприпрыжку выскочил из-за своего столика и тоже начал неказисто плясать. Узнал ли он Макса или же нет, но танцы его начались аккуратно между Ламанским и той девушкой, причём девушку он сразу попытался ухватить за талию, однако брюнетка резко опустила его руки вниз. Глаза этого чуда уже не могли нормально фокусироваться и казалось, что стоит ему остановиться – и он тут же улетит от опьянения на пол. Макс попытался ненавязчиво оттеснить оппонента, но тот весьма крепко ударил парня плечом и ехидно улыбнулся. Это было решающим моментом, чтобы Макс схватил танцора за шею и прокричал ему на ухо: «Слушай, иди к своим бабам за стол!» После этого парень изменился в лице и перестал дёргаться под музыку. Пару раз шмыгнув носом – видимо, в знак утешения, – он, оглядываясь, удалился за свой столик. Макс понимал, чем ему грозит этот трюк, но всё равно продолжал танцевать, при этом не забывая подмигивать темноволосой девушке. Через некоторое время выпивший парень вернулся и, ничего не говоря, махнул Максу рукой, намекая выйти. Два раза просить не пришлось: Максим взял девушку за руку, поцеловал её кисть и поспешил удалиться, по дороге проверяя, не пропал ли из кармана маленький блестящий предмет.

Сейчас бы умыться холодной водой, но времени нет. В голове бурлит алкоголь – это мешает рационально думать. Да и нужно ли? Выходят во двор, на улице уже ждут трое.

– Это ты, что ли, мразь, за нашим столом каких-то баб увидел? – начал один из них.

Максим обратил внимание, что главный виновник происшествия встал слева от него, несколько поодаль своих друзей, второй из них сделал пару шагов левее и оказался справа от Макса, в то время как оставшиеся двое находятся на несколько метров впереди. Ламанский был среднего роста и телосложения, однако, как бы там ни было, выстоять против четверых парней шансов не было.

– Да нет, никаких баб за столом нет, я ошибся. Простите. Кто же к вам сядет-то... – усмехнулся Макс и тут же, насколько это было возможно быстро, с размаху ударил пьяного парня, что стоял слева, в челюсть, отчего тот полетел напрямик на землю. Показалось, что что-то хрустнуло. Парень справа не ожидал такой прыти и успел сделать лишь несколько шагов вперёд, прежде чем получил резкий удар ногой в пах. На этом удача Максима закончилась: внезапный мощный удар в лицо затуманил разум, перед глазами стремительно пронеслись огни улиц, и парень упал на асфальт, пытаясь удержаться хотя бы на руках, однако подняться ему уже не удалось – четвёртый из парней замахнулся ногой, и Макс распластался на земле.

Из клуба выбежали люди, раздались женские крики. «Эй, слышь, хватит! Отойдите от него!» – последнее, что услышал парень, прежде чем сознание окончательно покинуло его.

Владимир Борисович Ламанский ходил по кабинету, скрестив руки за спиной, а его юрист – Пётр Геннадьевич Заколдин – сидел в кресле и монотонно стучал ручкой по мягкому подлокотнику. В комнате уже несколько минут царил тишина.

– Слушай, ну ещё не всё потеряно, – выдал наконец Заколдин.

– Ты в этом уверен? Что делать с дольщиками-то?

– Процедура банкротства компании запущена, реорганизуем всё, выведем. В администрации тоже уладим. А дольщики... Ну что, первый раз, что ли?

Владимир Борисович усмехнулся и подошёл к столу, немного распуская узел своего галстука.

– Тебе, может, чего покрепче выпить? – предложил Заколдин.

– Не хочу, – твёрдо ответил Ламанский, наливая в стеклянный стакан воду из графина. – А с заводом что? Придётся пару цехов и отделов сокращать.

– Сократим, что ж. Чтобы остаться на плаву – всё сделаем.

Время было уже около девяти, но свет в помещении зажигать не стали. Солнце быстро садилось за горизонт, оставляя кабинет в полутьме, и только большие панорамные окна и высокий этаж всё ещё способствовали проникновению света. Ламанский подошёл к окну и посмотрел вниз. Город зажигал вечерние огни, а люди и машины безостановочно копошились по дорогам. Вечная суета, вечное движение. Куда?

– Петя, – позвал Владимир Борисович.

– Да?

– Вот скажи мне, ради чего всё это?

– Что за вопрос, Вов? – округлил глаза Заколдин. – Ты же знаешь: если не мы, то кто-то другой. Да и ради денег, конечно. Деньги – это всё. Собственное счастье, счастье семьи. Власть. Будущее. Деньги – это жизнь.

– Жизнь... – задумавшись, тихо повторил Ламанский и посмотрел вслед небольшой стае птиц вдали, улетающих – кто знает – то ли куда-то в сторону юга, то ли просто для того, чтобы спрятаться от надвигающейся ночи.

Глава 2

1

Антон и Оля шли по парку и болтали, разглядывая деревья и обсуждая погоду, которая вот уже через несколько недель превратит всю эту зелень вокруг в ярко-жёлтые и оранжевые краски осени. На улице было тепло, и ребята присели на одну из ближайших лавочек.

– Ну что, освоился на работе? – поинтересовалась Оля.

– Вроде бы. Да знаешь, откровенно говоря, меня не сильно волнует всё, что там происходит. Я считаю, что работа не обязана приносить нам какую-то радость или удовольствие – для этого есть выходные, хобби. Работа – это работа. Она просто нужна и должна быть, необходима для получения всяких возможностей.

– Интересно. И какие возможности пытаешься получить лично ты?

Антон на пару секунд задумался и посмотрел вдаль, на противоположную сторону аллеи, рядом с которой, на газоне, женщина играла с маленьким ребёнком в мяч.

– Мне нужно матери помогать, – тихо, словно говоря сам себе, ответил парень.

– Что-то случилось? – с волнением спросила Оля.

– Да ничего. Просто... Она болеет. Немного. Нам нужны всякие поддерживающие лекарства. У неё нет возможности работать.

– А ваш папа?

Антон снова задумался.

– Отца с нами нет, вот уже два года как.

– Извини, – виновато сказала Оля, немного поджав губы.

– Ничего. Жизнь непредсказуема.

– Да, но... Ты как?

– Нормально.

– А мама по этой причине приболела?

– Отчасти, наверное, да. Но мы справляемся. Всё будет хорошо.

Оля подумала, что это будет не очень уместным – знакомы они с Антоном ещё совсем мало, – но всё-таки положила свою ладонь на его руку, которой он упирался в лавку, и ощутила, как парень перестал крепко сжимать кисть. На долю секунды ей показалось, что рядом с Антоном не может быть неуместных вещей – он всё понимает и ко всему готов.

– Да, всё наладится, – ответила ему девушка, изо всех сил стараясь поверить себе, что это действительно так.

– Ладно, давай не будем о грустном. Всё хорошо. Мороженое хочешь? Здесь недалеко продают какое-то чёрное мороженое, все только о нём и болтают. Я не пробовал, а ты?

– Я тоже. Давай.

– Отлично, – улыбнулся Антон и, встав с лавочки, подал девушке руку.

Ребята вышли из парка и направились к аллее проспекта, усыпанного самыми различными магазинами, бутиками и кафе. Поев мороженого и ещё немного погуляв по городу, Антон проводил Олю домой – девушка снимала квартиру в соседнем районе – и направился к себе.

Парня одолевали самые различные мысли: с одной стороны, ему было очень приятно проводить время в компании Оли, и даже некое необычное, воодушевляющее новое чувство заставляло его пребывать в хорошем настроении весь этот вечер; с другой стороны, Антон ощущал себя в какой-то степени предателем – да-да, именно так. Человеком, который просто не имеет права на позитивные эмоции в тот момент, когда его близкие находятся в одиночестве и, вероятно, даже страдают. Шорохов ускорил шаг, чтобы как можно скорее добраться домой.

Оказавшись дома, Антон приготовил матери ужин и сделал отвар, о котором узнал недавно из программы по телевизору. Помогало ли всё это или нет, пока ясно не было, но парень придерживался чёткого мнения, что лучше чем-то заниматься и пробовать различное лечение, чем не делать вовсе ничего. Через несколько часов Варвара Андреевна снова заснула, а Шорохов-младший включил старенький компьютер и начал бесцельно бороздить просторы интернета, что весьма быстро надоело парню, и он лёг на диван.

Мысли буквально врывались в голову.

Отца Антона – Игоря Витальевича – не стало в среду вечером, похороны были в пятницу. На дворе стоял один из последних дней лета, как сегодня; светило солнце и дул тёплый ветер.

Сложно было поверить в то, что эта горячая яркая звезда всё ещё сияет над головой, ветер шумит листвой деревьев, летают птицы, где-то вдалеке, за полем, гудит поезд. Для кого всё это теперь? Отец этого не слышит, для него этот мир закончился, полностью исчерпал себя и превратился в вечную темноту. Антон закрыл глаза. Открыл. Стол, ковёр, шкаф. Ничего не изменилось. Чьё всё это вокруг? Общее? Почему же тогда для отца этого больше нет? Кто всё это у него отобрал? Как-то всё это нечестно.

Что чувствовали родственники, родители? Каково это: пережить родного сына, мужа, брата, близкого человека – и пытаться жить дальше? Всё это даже невозможно представить – не то что почувствовать. Мир ужасно, просто катастрофически жесток, и с этим сложно спорить. Антон старался не думать обо всём этом, но мысли оказывались сильнее и, конечно же, мешали оставаться равнодушным.

На похоронах были самые разные родственники, но общались все они мало. Подобрать слова в такой день крайне сложно – да и есть ли они? Жуткое осознание того, что именно такие моменты всё чаще будут являться поводом для семейных встреч и трагичного молчания, пугало Антона. Тогда же, в тот день, парень услышал самый страшный звук в своей жизни – это были удары молотка, забивающего гвозди в гроб. Этот звук заглушал всё: шёпот, стоны, плач, крик, ветер, пенье птиц. Каким-то невероятным эхо разносились по полю эти удары со звуком, который уже невозможно было забыть. Кажется, что этот звук слышно и сейчас.

Антон закрыл глаза и отвернулся к стене, накрывая свою голову подушкой, словно от этого становилось чуть легче, а воспоминания растворялись в темноте.

«Титан» – огромный бизнес-центр прямо посреди главного проспекта города. Именно туда и направлялся Максим. Опаздывая, он, тем не менее, не подавал тому вида и шёл вполне размеренно, делая при этом широкие и уверенные шаги. На пешеходном переходе ему поспешили, однако в ответ Макс лишь снисходительно махнул рукой.

– Денег и прикурить нет, – бросил он в сторону едва успевшего открыть рот прохожего, всем своим видом выдававшего в себе бездомного выпивоху.

– Ну... а как же помощь, сострадание? – попытался усмехнуться мужик.

– Они, если ты не заметил, были на дне бутылки, – спокойно ответил ему Максим, прежде чем скрыться в дверях главного входа.

Здание завораживало своей красотой. Мраморные полы и стены, хромированные двери лифтов, хрустальные люстры над головой и несколько больших зеркал в широких позолоченных рамах. Охранники одеты в форму патрульных, а стройные длинноволосые девушки на ресепшене ослепительно улыбаются. На долю секунды Максим даже задумался, как же ему так повезло с этой вакансией.

– Здравствуйте, девушка.

– Добрый день.

- Мне назначено собеседование. Офис семьсот один.
- Будьте добры, Ваш паспорт.
- Да, конечно, – улыбнулся в ответ Максим, протягивая документ.
- Спасибо. Вот карта пропуска, турникет у Вас за спиной.
- Благодарю.

Максим миновал турникет и зашёл в лифт, нажимая кнопку седьмого этажа. Панорамные стёкла позволяли смотреть прямо на улицу, чем и скоротал несколько секунд в пути парень. Седьмой этаж оказался не менее роскошным, чем холл здания. Ламанский прошёл по длинному коридору и постучал в дверь.

– Здравствуйте, – поздоровался с крупным мужчиной, сидящим за столом, Максим, осторожно заглядывая в кабинет.

- Добрый день.
- Я на собеседование. Я по телефону с девушкой общался...

– Да-да, всё верно, проходите, садитесь, – ответил мужчина и указал на большое кожаное кресло. – Через пару минут начнём.

Максим сел в кресло и едва заметно улыбнулся. Его всегда забавляли все эти процедуры приёма на работу: строгие одежды, чёткие вопросы, желание докопаться до самой сути вещей, которые к будущей работе не будут иметь ни малейшего отношения. К чему всегда такой пафос? Показать излишнюю важность – компании и работы на неё? «Я же не Гомер Симпсон, не на атомную электростанцию пришёл работать...» – задумался Макс.

– Итак, Максим Владимирович, мы рассмотрели Ваше резюме. Меня зовут Роман Валерьевич, я генеральный директор этой компании. Ваш отец ручался за Вас, сказал, что Вы человек серьёзный, ответственный...

«Генеральный директор. Вот так сразу. Ну, теперь всё ясно...»

– Мой отец? Хм, я так и думал, в общем-то. Что он уже знает, что я пришёл к Вам.

– На основании его просьбы и реком...

– Простите, его просьбы? Пытаешься тут, видите ли, инициативу проявить, всё взять в свои руки и так далее, и снова – отец!

– Не думаю, что стоит обижаться на его желание Вам помочь, – немного замямвшись, ответил Роман Валерьевич.

– Напомогался уже, спасибо. Подачки его пусть мать принимает, а я не собираюсь.

– Максим Владимирович, мы действительно нуждаемся в сотруднике. Знаете, в наше время не так-то просто найти вакансию, подобную нашей, и ещё сложнее в итоге получить её. Вы не первый день живёте на свете и должны понимать, что, кхм, связи в наше время – это самый главный залог успеха в любом начинании. Подумайте об этом. Серьёзно подумайте.

– Я это прекрасно понимаю, и мой ясный ум с трезвой памятью велят мне всячески избегать этих самых связей, чтобы впоследствии ни у кого не было возможности упрекать меня за то, что однажды я взял чью-то руку помощи. Спасибо, что уделите мне время, Роман Валерьевич. Полагаю, что Ваша работа мне не подходит.

После этих слов Максим встал со стула и быстро, но уверенно направился к выходу. Слегка удивлённый Роман Валерьевич задумчиво постучал пальцами по столу, слегка отпустил свой галстук и вздохнул, откинувшись в кресле.

– Вот мерзавец какой, – усмехнулся мужчина. – Весь в отца.

Сразу после окончания пар Паша и Коля отправились на новую работу в маркетинговое агентство, где им выдали пару красных жилеток и огромную пачку красных листовок с рекла-

мой какого-то салона оптики. Сам салон находился на соседней улице, поэтому далеко идти не пришлось, и уже через пять минут ребята были на месте.

- Слушай, ну мы как придурки в этих жилетках, – раздосадованно заметил Коля.
- Да какая разница, – ответил Паша. – Вот отстоять тут четыре часа – это жёстко.
- Да уж.

Ребята поделили пачку бумаги и вышли из-за угла здания, протягивая листовки людям, идущим по тротуару. Большинство из них проходили мимо со стеклянным взглядом, некоторые демонстративно обходили ребят или вовсе закатывали глаза.

- Дурацкая работёнка, надо было в офис идти, – хмурился Коля.
- Да кто же нас возьмёт? Там опыт нужен. А где его взять, если они сами не берут нас получать этот опыт... – ответил ему Ростовцев.
- Ну, это смотря куда идти.
- А что, есть варианты?
- Есть. У меня знакомый работает в колл-центре, там вечно текучка, места есть.
- Так это же плохо, что текучка – условия, значит, так себе.
- Да где её сейчас нет? Условия везде одинаково паршивые, зато сидишь в тепле, перед монитором, а не ножками топаешь по улице. Ну и ставка-то повыше.
- Интересно.
- Можем сходить как-нибудь, всё узнать. Пойдёшь со мной?
- Пошли, – согласился Паша, протягивая листовку очередному прохожему, который тут же поморщился и помахал рукой в знак отказа.

Через несколько часов уставший Ростовцев прыгнул в автобус и отправился домой. Парень сразу обратил внимание на девушку, рядом с которой он сел. Взгляд невольно упал на экран её мобильного телефона, где она набирала какое-то сообщение... Нет, он не будет смотреть. Зачем ему это? В конце концов, это не его дело. Парень уставился в окно и продолжил разглядывать проплывающие мимо огни витрин.

Город ещё не начал утопать в сумерках, но в грязном автобусе было темновато: окна, казалось, собрали на себе абсолютно всю пыль с дорог за это лето, а пластик на лампах давно затёрся, отчего свету не удавалось разгореться в полную силу. Хотелось выйти и идти прочь, в любом направлении, но путь у Павла был лишь один, и он знал это. Да и что там, снаружи?

Он снова опустил глаза и увидел на экране чужого телефона лишь одно слово: «Спасибо». Сообщение отправлено не было и ждало нажатия заветной зелёной кнопки, которую девушка, кажется, нажимать не торопилась. Внезапно раздался приглушённый девичий всхлип. Смахнув слёзы кончиком указательного пальца и снова взяв телефон в обе руки, незнакомка начала быстро нажимать кнопки. В этот момент Павел почувствовал себя совсем неловко, ведь он продолжал смотреть на экран. Любопытство брало верх, и через несколько секунд парень увидел уже новое сообщение: «У меня к тебе просьба: не звони и не пиши мне больше». Зелёная кнопка.

Всхлипы усилились, одна из слёз упала прямо на рукав бежевого пиджака, оставив небольшой тёмный и мокрый след. «Девушка, с Вами всё в порядке?» – сам того не ожидая, спросил Павел, но ответа не последовало – она молча кивнула и отвернулась к окну, перевернув и опустив свой телефон на колени.

В этот момент Ростовцеву подумалось, что всё это так глупо, странно и несправедливо. Он бы мог поехать вместе с ней, выйти на её остановке, проводить домой и убедиться, что она в порядке. С другой стороны, что он знает о ней? Какое он имеет право вмешиваться в её жизнь? Стало противно от всех этих быстрых знакомств, подсаживания за столик в кафе и всего прочего. Лабиринт мыслей, где многие из нас и сами не знают о местоположении выхода. Мнимая, никому не нужная, навязанная помощь, перерастающая постепенно в навязанные мысли, навязанные чувства. Нет, это не его путь – пусть всё это берёт на себя вот этот парень,

стоящий неподалёку и тоже мельком поглядывающий на эту девушку. Что за соревнование, в конце концов? Ещё и этот парень, которому она пишет... Может, это любовь всей её жизни – просто пока она этого ещё не осознала. Глупость какая. Всё это глупость, надо прекращать думать о ерунде.

Парень поодаль довольно долго смотрел на девушку, иногда нелепо отворачиваясь. Да, в чертах её лица было что-то завораживающее, магнетическое, даже таинственное – и, может быть, где-то в глубине души Павел и ждал, что сейчас она повернётся, и они встретятся взглядами, будут так же долго смотреть друг на друга, а потом взаимно улыбнутся – и это будет начало нового пути, их совместного пути. Но она так и не повернулась, всё продолжая смотреть вдаль, на едва заметные очертания пригорода, расположившегося там, далеко за окружной дорогой. Тот парень тоже отвернулся к окну, а вскоре и вовсе торопливо вышел из автобуса, вероятно, и так уже проехав несколько лишних остановок в надежде на какое-то чудо, которое, конечно же, так и не случилось само собой.

«Говорят, что смотреть в одну сторону гораздо важнее, чем смотреть друг на друга. Ну и что же из всего этого выходит? Кажется, что ничего. Мы и так-то не видим друг друга в упор, а уж не смотря друг на друга – точно никак не заметим», – думал про себя Павел, откровенно не радуясь подобным умозаключениям.

2

Октябрь начался прохладно и сыро. Максим сидел дома и слушал музыку, а по отливам окон звонко барабанил осенний дождь. Идти никуда не хотелось. Сквозь мелодию в наушниках парню слышалось, что кто-то покрикивает в соседней комнате. Да, точно, мать с отцом что-то обсуждают. Максим уже неоднократно задумывался о том, чтобы съехать от родителей, но возможность жить в большом частном доме не отпускала его, а слоняться по тесным бетонным коробкам в многоэтажках ему не хотелось. Окраина северного района города, где жили Ламанские, была практически полностью застроена элитным жильём; здесь обитали различного уровня бизнесмены, экономисты, политики, а также некоторые медийные личности провинциального разлива.

– И что теперь делать? Зачем ты в это влез? – громко спрашивала у мужа Наталья Алексеевна Ламанская.

– Ой, Наташ, прекрати. Что делать... Ничего не делать, всё нормально будет, разберёмся.

– И что, много ты потеряешь? Сколько?

– Пока что я ещё ничего не потерял, успокойся.

– Как же мы будем жить, как будем жить... – бормотала себе под нос мать Максима и ходила по кабинету, держась за лицо руками.

– Так же, как и сейчас. Ну хватит, в конце концов!

– А если тебя посадят? Что тогда? Как же мы? – зарыдала Наталья Алексеевна.

– Господи... Сказал тебе на свою голову, – вздохнул Владимир Борисович.

Максим всё это время уже стоял за слегка приоткрытой дверью отцовского кабинета и внимательно слушал. У отца на работе какие-то сложности? Ему грозит тюрьма? О чём они вообще? Неожиданно в кармане джинсов завибрировал телефон – слава богу, что стоял беззвучный режим. Павел ушёл в соседнюю комнату и тихо закрыл за собой дверь.

– Да, алло.

– Привет, – раздался на другом конце линии голос Кати.

– Привет, Катюш.

– Не хочешь съездить в книжный клуб? В «Звёздном». Знаешь?

– Эм, нет.

– Короче, там сейчас будет знаменитая поэтесса Елена Анисимова. Я бы ходила, послушала. У меня девочка знакомая в клубе работает, билетов уже нет, но нас проведут.

– Книжный клуб... Елена Анисимова... – повторил в трубку Максим. – Ничего не ясно, никого не знаю. Ну ладно, поехали, я не против. Сейчас возьму такси, заеду за тобой.

– Давай, жду.

Через час ребята оказались на месте. Помещение клуба напоминало небольшой лабиринт с множеством комнат – здесь было некое подобие библиотеки, рядом варили кофе и продавали выпечку, тут же неподалёку стояла сцена и что-то вроде конференц-зала со стульями для гостей. Сплошной перфоманс. В общем, идеальная ламповая атмосфера для всех, кто в этом городе считает себя хоть немного интеллектуалом и не упускает возможность показать это всем, посещая вот такие места.

Сегодня, однако, здесь было очень много людей – любителей поэзии, либо – в это верилось гораздо охотнее – просто тех, кому дома этим дождливым вечером делать было нечего. Ещё до начала чтения стихов Максим успел несколько раз зевнуть – в помещении было очень душно и достаточно тускло, так что всё способствовало тому, чтобы сладко задремать.

Анисимова медленно вышла на сцену, раздался всплеск аплодисментов.

Выглядела она – по скромному мнению Максима, конечно – как типичная поэтесса балзаковского возраста: ей было от тридцати пяти до сорока, бледный макияж, длинная юбка,

длинная кофта, через плечо перекинут небольшой коричневый шарфик. Она была достаточно высокой и худой, а её длинные руки и пальцы напоминали героиню какого-нибудь фильма про ведьм. Когда же раздался её томный и тихий голос, Максим тут же подумал о том, что ничего другого он услышать и не ожидал. Мрачные стихи о жизни, любви и боли, а также о том, что без мужчины рядом тоже можно всё пережить. В зале было много школьников и студенток – это Ламанский понял наверняка. Да уж, отличное место, чтобы поучиться и послушать «о жизни». Выступление длилось около часа, в небольших перерывах между чтением стихов Елена рассказывала о себе, своей жизни (странно, что не упоминались никакие кошки) и делилась разного рода советами. В самом конце мероприятия она неожиданно провозгласила, что сейчас на сцену могут выйти юные дарования и прочитав что-нибудь из своих произведений. Сначала многие смущались, но несколько девушек и даже ребят в итоге всё же вышли на сцену и прочитали свои творения.

Максим слушал их и всё время пытался вспомнить и собственные стихи. Да, когда-то он писал, но никогда и никуда не выкладывал свои строки, никому не показывал – считать себя поэтом или лириком ему было противно и даже немного стыдно перед классиками. Но сейчас, спустя полгода или год, он вспомнил кое-что и даже решил выйти на сцену. Зачем, почему – он и сам этого не знал. Быть может, ему вовсе не понравились прочитанные здесь стихи. Или просто хотел проверить себя на прочность.

Парень поднял руку.

– Да, молодой человек, выходите, – сказала ему Елена, в ответ на что Катя очень удивлённо посмотрела на своего парня, но одобрительно покивала головой.

Максим поднялся на маленькую сцену и окинул взглядом аудиторию. Ему стало немного страшно, но не настолько, чтобы уйти и услышать потом за своей спиной глупые смешки. Парень дождался, пока в помещении воцарится полная тишина, глубоко вдохнул, медленно выдохнул и начал.

*– Мне всё равно.
Посмейся, если хочешь.
Пусть истиной окажется, что я
Напрасно умирал все эти ночи
И в дни душевных стуж искал огня.
Порви, сожги и выброси тетради,
В которых я писал тебе. Года,
Наверное, уже для нас не значат,
Пожалуй, ничего. Но я всегда
Искал, ищу в дрянных секундах этих
Искру, мгновенье, шанс, пустой намёк,
Которые подскажут, что на свете,
Хотя бы где-то: в жизни, в сердце, в памяти -
Ты есть,
И я
Не одинок.*

Ещё несколько секунд в зале было тихо. Первой аккуратно захлопала Анисимова, затем её аплодисменты подхватили и все другие.

– Как Вас зовут? – спросила поэтесса.

– Максим.

– И давно Вы пишете?

– Уже давно не пишу, – сухо ответил парень.

- Максим, спасибо Вам, это было здорово.
- Спасибо, – почти безразлично ответил тот, уже спускаясь в аудиторию и возвращаясь на своё место.
- Слушай, круто. Ты не рассказывал мне, что пишешь! – слегка обиженно сказала Максиму Катя.
- Да это так, мелочи. Был небольшой период в жизни и всё. Я уже ничего не пишу, давно.
- Зря, отлично получается, – похвалила парня Катя. – Ещё что-нибудь дашь почитать?
- Если откопаю – конечно.
- Только вот почему всё так мрачно? Это не я тебя на такой лад настроила? – улыбнулась девушка.
- Нет, не ты, не переживай. Да всё это ерунда, детский максимализм...
- Максим Максимализм. Как тебе псевдоним для поэта?
- Спасибо, издам книгу, – шутливо ответил парень.

Болтаясь по коридорам вуза, Павел неоднократно видел девушку, которая училась, судя по всему, в соседнем корпусе. Парень сначала искоса поглядывал на неё, потом стал несколько смелее, и вот их взгляды начали сталкиваться и замирать уже дольше, чем на одну секунду. Как бы там ни было, подойти к ней юноша так и не решился, опасаясь всего и сразу: отказа познакомиться, неловкости, возможности быть высмеянным, даже всеобщего позора и всего прочего, что только можно было выдумать. Однако в тот день всё пошло по несколько другому сценарию.

Павел стоял возле лестничных перил и хаотично перебирал свои тетради, пытаясь найти нужный ему листок с записями тем, который он куда-то сунул второпях и, конечно же, забыл. Внезапно к нему кто-то подошёл, и парень услышал приятный девичий голос.

- Привет.
- Привет, – машинально ответил Павел и, подняв голову, остолбенел – перед ним стояла и мило улыбалась та самая девушка, к которой он так боялся подойти все эти несколько месяцев. Её голубые глаза были настолько яркими и лучезарными, что Павел даже немного приоткрыл рот и на пару секунд потерял дар речи, а тетради тут же посыпались на пол. Ростовцев присел и начал быстро собирать листы, девушка же начала ему помогать.
- Меня Юля зовут.
- Меня Паша.
- Очень приятно, – снова улыбнулась девушка. – Я слышала, ты на гитаре играешь, это правда?
- Ну да, есть такое, – ответил, вставая, парень. – Спасибо, что помогла собрать. Я просто растяпа...
- Да не за что. Ничего, бывает. Нам тоже столько задают, что всего не унесёшь. Ты же здесь учишься, на филфаке?
- Ага. А ты в соседнем, на журфаке?
- Да. Слушай, у меня у друга скоро музыкальный квартирник будет, в общем. Ты... не хочешь пойти?
- Ты меня приглашаешь? В смысле, мне там нужно будет поиграть? – путаясь в словах, спросил Павел.
- И приглашаю, и поиграть, – ответила Юля. – У меня не очень много знакомых музыкантов, а толковых – ещё меньше. Ты же хорошо играешь?

– Ну, у нас есть группа, два года уже. Так что играю как бог, – усмехнулся Павел.

– Отлично. Можешь и группу привести. Тогда давай запишу тебе мой номер, это будет на следующей неделе, созвонимся.

– Отлично, договорились, – ответил парень, доставая дрожащими руками из рюкзака ручку.

– Фантастика! Разве такое бывает? Ну ты везунчик! Это она, она, да? – ликовал часом позже Коля, тыкая пальцем в экран смартфона.

– Да, она. Да я и сам в шоке. Помнишь, я тебе про неё говорил?

– Говорил... Да ты все уши мне прожужжал о ней! Смотри, она даже со второго курса, похоже.

– Вообще, даже не верится...

– Не прибедняйся. Чувак, это магия. Или карма. Ты что-то хорошее делал в последнее время?

– Ну... – в голову Павлу приходили только многочисленные семейные ссоры и ничего больше. – Не думаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.